ИРИНА А.

«Береги нашего ребёнка и себя, моя девочка»

ПЯТЬ ЛЕТ *тишины*

18+

Иногда любовь требует тишины...
Но сможет ли она выдержать её?

Ирина Алцыбеева

Пять лет тишины

«Автор»
2026

Алцыбеева И.

Пять лет тишины / И. Алцыбеева — «Автор», 2026

Успешный онколог Алиса из обеспеченной московской семьи влюбляется в дерзкого красавца с опасной репутацией, приехавшего спасти мать. Она бросает вызов семье, но он исчезает, оставив лишь слова: «Береги нашего ребёнка и себя, моя девочка». Пять лет спустя Алиса почти смирилась и растит ребёнка, но он возвращается — живой и свободный, желая всё вернуть. Теперь ей предстоит решить, может ли она довериться человеку, однажды разрушившему её мир, и стоит ли их любовь риска для жизни её ребёнка.

© Алцыбеева И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 7
Глава 3 8
Глава 4 10
Глава 5 12
Глава 6 15
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 25
Глава 11 28
Глава 12 30
Глава 13 32
Глава 14 33
Глава 15 34
Глава 16 36
Глава 17 38
Глава 18 39
Г 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ирина Алцыбеева
Пять лет тишины

Пролог

В квартире было слишком тихо. Казалось, город за окном накрыло стеклянным колпаком. Алиса стояла посреди гостиной, не сняв платье, и смотрела на телефон. В другой руке она сжимала тест с двумя ярко-розовыми полосками.

Незнакомый номер. Последние три дня она не брала трубку ни от кого, кроме пациентов и отца. Но что-то заставило её ответить. И теперь в памяти звучал его голос — хриплый, низкий, с прокуренной хрипотцой:

«Береги себя, моя девочка... И береги нашего ребёнка».

Голос Егора. Голос, который она слышала во сне каждую ночь. Голос, который исчез так же внезапно, как и появился, оставив выжженную землю.

Беременность не поддавалась логике. Как и всё, связанное с ним. Захотелось набрать номер, закричать, потребовать объяснений. Но она знала: на другом конце уже никого нет.

Алиса подошла к панорамному окну. За стеклом в свете фонарей кружился тополиный пух — лёгкий, тёплый, безмолвный. Она прижала ладонь к прогретому за день стеклу и закрыла глаза.

«Береги нашего ребёнка».

Он знал. Он всегда всё знал.

Алиса Боярская, блестящий онколог, привыкшая контролировать каждую клетку жизни, вдруг поняла, что не контролирует ничего. В руке — тест с двумя полосками. В сердце — пустота. В квартире — тишина, которой суждено длиться долгие пять лет.

Телефон с глухим стуком упал на подоконник. Алиса опустилась на колени на прохладный паркет, прижала тест к груди и впервые за долгое время позволила себе заплакать.

Глава 1

Утро Алисы Боярской начинается в 6:30 с чашки крепкого кофе и вида на заснеженную Москву из панорамного окна её квартиры в элитном ЖК «Садовые кварталы». Двадцать девять лет — возраст, когда другие только заканчивают ординатуру, — а она уже ведущий онколог в престижной частной клинике «Медикал Плаза». Дочь влиятельного бизнесмена, она могла бы не работать вовсе, но медицина для неё не просто статус — это единственное место, где она чувствует себя по-настоящему нужной.

В клинике Алиса — воплощение компетентности: белоснежный халат, идеальная укладка, спокойный голос. Коллеги уважают её за точные диагнозы и умение говорить с пациентами о самом страшном без фальши. В это утро она проводит обход: пожилая женщина с саркомой плачет от страха, и Алиса находит слова, которые вселяют надежду; молодой человек с лимфомой задаёт вопросы, на которые она отвечает с хирургической точностью. Каждое её движение отработано, каждый взгляд — участие. Но за дверью кабинета, когда стихает стук клавиатуры и звонки, она снимает очки и на секунду прикрывает глаза. Внутри — тишина.

Контраст между её профессиональной востребованностью и личной пустотой становится болезненным. Отец звонит днём: «Алиса, приходи на ужин». Она мягко отказывается — у неё «сложный пациент». На самом деле сложный пациент — она сама. Вечером она возвращается в пустую квартиру, где нет ни кота, ни цветов, ни следов чужого присутствия. Только идеальный порядок и полка с медицинскими справочниками. Она наливает бокал вина, садится у окна и смотрит на огни города, чувствуя себя одной из тех, кого спасает, — но не тех, кто живёт.

Тишину нарушает телефонный звонок из регистратуры: «Алиса Анатольевна, завтра в 9:00 новый пациент, сложный случай, переводят из областной больницы. Женщина, запущенная стадия. Сын настаивает на консультации лично с вами». Алиса механически отвечает: «Хорошо, подготовьте карту». Она ещё не знает, что этот звонок — точка не возврата. И что её отлаженная, стерильная жизнь треснет по швам.

Глава 2

Утро в клинике началось с привычной стерильной тишины, нарушаемой лишь мерным писком кардиомониторов и стуком каблуков медсестер по начищенному линолеуму. Алиса надела белоснежный халат, который сидел на ней идеально, словно вторая кожа, и собрала волосы в тугой пучок. Это был её ритуал — броня, которая отделяла доктора Боярскую от внешнего мира.

Пациентка, Раиса Андреевна Ангарская, ждала её в 304-й палате. Перевод из областной больницы означал лишь одно: там уже развели руками. Алиса вошла, держа в руках планшет с историей болезни, готовая к самому худшему. Но то, что она увидела, заставило её на секунду замереть.

На койке сидела женщина, которая, казалось, была соткана из света, несмотря на изможденное лицо и темные круги под глазами. В ней не было той обреченности, что часто встречалась у пациентов с четвертой стадией. Она смотрела на Алису с тихой, почти материнской добротой.

— Здравствуйте, Алиса Анатольевна, — голос Раисы был слабым, но чистым. — Мне столько о вас рассказывали. Говорят, вы — золотые руки.

Алиса мягко улыбнулась, присаживаясь на стул рядом с кроватью. Она взяла Раису за руку, проверяя пульс. Кожа была сухой и горячей.

— Рассказывали? Кто же, если не секрет? — спросила она, просматривая анализы. Цифры были пугающими.

— Да все в области. Говорят, вы из тех врачей, кто не бросает даже в самом конце. — Раиса погладила её по руке. — Я знаю, что у меня. Не надо меня жалеть. Я просто хочу дождаться сына.

Алиса подняла глаза. Впервые за долгое время профессиональная маска дала трещину. В этой женщине была такая сила духа, что она невольно прониклась к ней глубокой симпатией.

— У вас есть сын? — спросила Алиса, стараясь перевести разговор в более безопасное русло, хотя уже понимала, что это и есть главная причина её упорства в борьбе с болезнью.

— Егор, — глаза Раисы загорелись. — Он у меня хороший. Работает в автомастерской, на окраине. Грубый, неотесанный, но сердце у него золотое. Я ему не говорила, насколько всё плохо, но он почувствовал. Приезжает завтра. Я так хочу, чтобы вы с ним познакомились, Алиса. Может, вы сможете ему объяснить всё так, чтобы он не убивался.

Алиса взглянула на часы. До обхода еще было время.

— Обязательно познакомимся, Раиса Андреевна. А сейчас давайте посмотрим, что мы можем сделать, чтобы облегчить ваше состояние. Будем бороться. Вместе.

В этот момент между ними возникла та самая связь, которую невозможно объяснить медицинскими протоколами. Алиса видела в этой женщине не просто пациента, а человека, чья душа была кристально чиста. А Раиса, кажется, увидела в Алисе ту дочь, которой у неё никогда не было. Они проговорили еще полчаса, и когда Алиса выходила из палаты, она поймала себя на мысли, что впервые за долгое время думает о пациенте не как о «сложном случае», а как о близком человеке.

Глава 3

На следующий день Алиса пришла на работу пораньше. Вчерашний разговор с Раисой не выходил из головы. Она подготовила план лечения, но понимала, что чуда не будет. Оставалось лишь продлить жизнь и облегчить боль. И еще — встретиться с этим загадочным сыном, о котором Раиса говорила с такой любовью.

Он появился в коридоре ровно в 9:00. Его невозможно было не заметить. Высокий, широкоплечий, в простой черной куртке и потертых джинсах, он резко выделялся на фоне бледных стен и стерильной белизны. Смуглое лицо, темные волосы, упрямо падающие на лоб, и глаза — черные, как южная ночь, с колючим, настороженным взглядом.

Алиса вышла из ординаторской, чтобы встретить его.

— Егор? — она сделала шаг вперед, протягивая руку. — Здравствуйте. Я Алиса Анатольевна, лечащий врач вашей мамы.

Он не сразу ответил на рукопожатие. Сначала он окинул её оценивающим взглядом, словно сканировал — от начищенных туфель до тугого пучка волос. В его глазах читалось недоверие и едва скрываемая агрессия. Наконец, он пожал руку. Сухо, коротко, сильно. Ладонь была жесткой, мозолистой.

— Егор, — бросил он хрипло. — Что с матерью?

— Давайте пройдем в кабинет, — предложила Алиса, сохраняя спокойствие.

Он прошел за ней, тяжело ступая. В кабинете он не сел, а остался стоять у окна, скрестив руки на груди, словно готовился к обороне.

— Говорите прямо, доктор, — потребовал он, не поворачиваясь. — Сколько у неё осталось? И не надо мне ваших «мы будем бороться». Я не дурак.

Алиса села за стол, сложив руки перед собой. Она привыкла к сложным родственникам, но этот мужчина излучал такую волну холода, что ей стало не по себе.

— У вашей мамы четвертая стадия, — сказала она четко, глядя ему в спину. — Опухоль агрессивна. Мы можем провести курс паллиативной химиотерапии, чтобы облегчить боль и немного продлить жизнь. Но мы не можем её вылечить. Я говорю вам это прямо, как вы и просили.

Он резко обернулся. В его глазах вспыхнула ярость.

— Паллиативная? — переспросил он, и голос его стал низким и опасным. — То есть вы просто хотите накачать её наркотиками и спокойно наблюдать, как она умирает? Вы за это деньги получаете?

Алиса почувствовала, как внутри нее поднимается волна возмущения. Она встала, опершись ладонями о стол.

— Я получаю деньги за то, чтобы делать свою работу, — ответила она, выдерживая его взгляд. — И моя работа сейчас — сделать так, чтобы последние месяцы ваша мама прожила без боли. Если вы предпочитаете, чтобы она мучилась от невыносимых страданий, пока вы будете искать чудо-таблетку, это ваш выбор. Но я вам этого не позволю.

Повисла тишина. Воздух в кабинете стал густым и наэлектризованным. Егор смотрел на неё так, словно хотел просверлить в ней дыру. Алиса, не отводя глаз, смотрела в ответ. Она не привыкла отступать. Но в этот момент она вдруг отчетливо почувствовала что-то странное. Между ними, сквозь эту перепалку, сквозь холод и агрессию, проскочила искра. Неприязни? Нет. Это было что-то более глубокое и пугающее — притяжение. Необъяснимое, как магнит.

Егор вдруг выдохнул, и его плечи слегка опустились. Маска «плохого парня» на секунду дала трещину. Он провел рукой по волосам.

— Простите, — сказал он глухо. — Я не то имел в виду. Просто... она моя мать. Единственный родной человек. Я не могу так просто это принять.

Алиса медленно села обратно в кресло. Её сердце колотилось где-то в горле.

— Я понимаю, — сказала она мягко, чувствуя, как гнев уходит, уступая место сочувствию. — И я сделаю всё, что в моих силах. Давайте начнем с того, что вы просто побудете с ней. Она ждала вас.

Он кивнул, избегая её взгляда. Когда он выходил из кабинета, Алиса поймала себя на том, что смотрит ему вслед. Она вспомнила слова Раисы: «Грубый, но сердце золотое».

«Вот он какой, — подумала Алиса, чувствуя, как её стерильный мир дает первую, пока еще незаметную трещину. — Егор».

В этом мужчине было все, от чего её учили держаться подальше: непредсказуемость, дерзость, опасность. И все же, когда он обернулся в дверях и их взгляды снова встретились, она почувствовала, как этот телефонный звонок из регистратуры навсегда изменил траекторию её жизни. Точка не возврата была пройдена.

Сейчас она не хотела об этом думать. Сегодня её ждёт отец на ужин.

Глава 4

Вечерний свет за окнами особняка отца казался Алисе всегда каким-то искусственным — слишком ярким, слишком отрепетированным, как и всё в этом доме. Она припарковала машину на гравийной дорожке и на секунду задержалась, глубоко вдохнув прохладный воздух. «Просто ужин, — сказала она себе. — Просто ужин».

Анатолий встретил её в холле, широко раскрыв объятия. Он был крупным мужчиной с седеющими висками и глазами, которые умели быть и ласковыми, и ледяными — в зависимости от того, что он хотел получить.

— Алиса, девочка моя! — Он поцеловал её в щёку, крепко сжав плечи. — Ты сегодня поздно. Я уже начал волноваться.

— Прости, пап. Была сложная смена.

— Сложная смена, — эхом отозвался он, ведя её в столовую. — Ты слишком много работаешь. Я же говорил: хочешь — я найду тебе место в клинике поприличнее. Или вообще — зачем тебе эта возня с пациентами? Могла бы заняться чем-то более... достойным.

Алиса привычно пропустила это мимо ушей. Она знала, что за внешней заботой скрывается желание контролировать. Но спорить было бесполезно.

За столом уже сидела Виктория. Идеальная причёска, идеальный макияж, идеальная улыбка — настолько идеальная, что становилось не по себе. Она подняла бокал с белым вином, приветствуя падчерицу лёгким кивком.

— Алиса, дорогая. Как мило, что ты нашла время. Мы уж думали, ты совсем забыла дорогу в отчий дом.

— Я здесь всего месяц назад была, Виктория.

— Неужели? — Мачеха приподняла бровь. — А кажется, будто целую вечность. Ты так редко нас балуешь своим присутствием. Всё спасаешь мир, да?

Анатолий сел во главе стола и жестом пригласил дочь занять место напротив. Прислуга бесшумно подала закуски.

— Ну, рассказывай, — сказал он, накладывая себе салат. — Что нового? Как твои... — он сделал паузу, словно подбирая слово, — подопечные?

Алиса знала, что он едва сдерживает усмешку. Для него её работа была блажью, чем-то вроде хобби, которое он снисходительно позволял, пока оно не мешало его планам на её счёт.

— Всё по-разному, пап. У кого-то прогресс, у кого-то не очень.

— А личная жизнь? — Виктория промокнула губы салфеткой. — Ты всё ещё одна? Или на горизонте появился какой-нибудь... — она выдержала паузу, — достойный кандидат?

Алиса почувствовала, как напряглись плечи. Она привыкла к этим уколам, но сегодня они почему-то задели сильнее обычного. Может, из-за Егора, который всё ещё стоял перед глазами — с его дерзким взглядом и золотым сердцем, спрятанным за грубостью.

— Пока нет, — коротко ответила она.

— Ох, милая, — Виктория вздохнула с преувеличенным сочувствием. — Тебе уже почти 30. Не хочу быть резкой, но время-то идёт. Мужчины не любят женщин, которые слишком... заняты собой.

— Виктория, — мягко вмешался Анатолий, но в его голосе не было осуждения. Скорее, он наслаждался этим спектаклем. — Оставь девочку в покое. У неё всё впереди.

— Конечно, — Виктория улыбнулась, но в глазах её мелькнула тень. — Я просто забочусь.

Алиса опустила взгляд в тарелку. Она знала этот танец наизусть: отец делает вид, что защищает, но на самом деле именно он дирижирует этим оркестром. Виктория озвучивает то,

что он сам не решается сказать вслух. А она, Алиса, должна улыбаться и делать вид, что всё в порядке.

— Кстати, — Анатолий откинулся в кресле, — скоро у меня благотворительный вечер. Придут важные люди. Тебе стоит быть. Я хочу представить тебя кое-кому.

Алиса подняла глаза.

— Кому?

— Есть один человек. Серьёзный, перспективный. Из хорошей семьи. Я думаю, вы поладите.

Внутри неё что-то оборвалось. Вот оно. Снова. Он даже не спросил, хочет ли она. Он просто решил.

— Пап, я...

— Не спорь, — отрезал он, и в его голосе впервые за вечер промелькнула сталь. — Это важный шаг, Алиса. Для тебя. Для нашей семьи. Ты же не хочешь меня разочаровать?

Она молчала. Виктория удовлетворённо отпила вина.

— Вот и отлично, — Анатолий снова стал сама любезность. — А теперь давай поедим. Виктория, передай, пожалуйста, картофель.

Алиса механически поднесла вилку ко рту, но еда казалась безвкусной. В голове снова всплыл образ Егора — его взгляд, его слова, его нелепая, грубоватая искренность. В этом доме, где всё было под контролем, где каждый шаг был расписан, она вдруг остро почувствовала, как ей не хватает чего-то настоящего. Пусть хаотичного, пусть неправильного, но живого.

«Точка невозврата», — подумала она, и это слово эхом отозвалось в тишине столовой, заглушая звон бокалов и светские разговоры.

Глава 5

Февраль в этом году выдался странным: морозным по ночам и до неприличия солнечным днём. Снег хрустел под ногами, а в больничных коридорах, пропахших хлоркой и надеждой, свет из окон казался почти весенним. Прошёл ровно месяц с того дня, как Алиса произнесла свой приговор в ординаторской, глядя в спину Егору. Месяц, который не изменил медицинского прогноза, но неуловимо изменил всё остальное.

Раиса Андреевна держалась. Вопреки мрачным ожиданиям, четвёртая стадия не спешила забирать её в свои когти. Она оставалась всё такой же бледной и слабой, но в её глазах всё ещё теплился тот самый огонёк, который так любил описывать её сын. Хуже не становилось — и в их мире, где каждый день был подарком, это уже считалось маленькой победой.

Алиса всё чаще ловила себя на том, что идёт по коридору, не глядя под ноги, а всматриваясь в лица. И всё чаще это лицо находилось. Егор. Он появлялся будто из ниоткуда: то у поста медсестры, то у лифта, то просто стоял у окна на лестничной клетке, глядя на заснеженный двор. Сначала они сталкивались случайно, потом — по привычке. А потом Алиса поняла, что больше не удивляется этим встречам. Она их ждала.

Он приходил к матери каждый день. Иногда с апельсинами, которые она не могла есть, но любила на них смотреть. Иногда с книгой, которую читал ей вслух — хрипло, неуверенно, но с такой серьёзностью, что Раиса Андреевна улыбалась и гладила его по руке. Алиса заходила в палату, проверяла капельницу, делала пометки в карте. И чувствовала на себе его взгляд. Не тяжёлый, не оценивающий — просто внимательный. Будто он пытался прочитать её, как ту самую книгу, но боялся перевернуть страницу слишком быстро.

Разговоры начинались с малого. Сначала — о матери, о дозировках, о том, как она спала ночью. Потом — о нём.

— Ты ведь не всегда был таким, — сказала как-то Алиса, стоя в дверях палаты, когда Раиса Андреевна задремала после укола.

Егор усмехнулся, откинувшись на спинку стула. Тёмные волосы упали на лоб, и он не стал их поправлять.— Каким «таким»?

— Колючим. Словно ежа из мешка достали.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В февральском свете его лицо казалось мягче, чем в первый день. Черты не были злыми — они были уставшими. И ещё — испуганными. Будто мальчишка, который слишком долго защищался от всего мира и уже забыл, как это — просто быть.

— Я не знал, как ещё, — сказал он наконец, тихо. — Когда мама заболела, мне было семнадцать. Отец ушёл ещё раньше. Я остался один. Пришлось стать колючим, чтобы никто не лез.

Алиса не ответила. Но с того дня она начала смотреть на него иначе. За маской хулигана — нелепой, надо признать, потому что глаза у него были слишком добрые для настоящего хулигана — скрывался человек, который просто очень боялся потерять последнее, что у него было.

И этот человек начал за ней ухаживать.

Сначала Алиса не поняла, что происходит. Он появился у дверей ординаторской в конце смены, переминаясь с ноги на ногу, сжимая в руке что-то, спрятанное за спиной.

— Ты домой? — спросил он, старательно глядя мимо неё.

— Домой.— Я провожу. Метро закрыто на ремонт, а тебе в ту сторону. Я знаю.

Она хотела сказать, что знает дорогу сама. Что ей не нужен провожатый. Что она привыкла возвращаться одна. Но почему-то сказала:

— Хорошо.

Они шли по заснеженным улицам, и он молчал почти всю дорогу. Только у её подъезда, неловко переступив с ноги на ногу, протянул ей то, что прятал за спиной. Три веточки хризантем — простых, белых, с чуть подсохшими краями. Не букет из салона. Просто цветы, купленные в переходе у старушки.

— Это тебе, — сказал он, и уши у него покраснели так, что стали почти одного цвета с шарфом. — Не в смысле «спасибо за маму». В смысле… просто так.

Алиса взяла цветы. Они пахли горьковато и немного пыльно. Она поднесла их к лицу, чтобы скрыть улыбку.

— Спасибо, Егор.

Он кивнул, сунул руки в карманы и пошёл обратно, к метро, которое, конечно же, работало. Алиса смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом, и только потом поняла, что стоит на морозе в расстёгнутом пальто уже минут пять.

***

Следующая неделя принесла новые знаки внимания. Неловкие, но такие искренние, что у Алисы щемило под ложечкой. Он приносил ей кофе из автомата на первом этаже — всегда с двумя ложками сахара, потому что однажды услышал, как она жаловалась коллеге, что в больничном кофе «сахара вечно не хватает». Он оставлял на посту медсестры шоколадку с запиской «Алисе Анатольевне от благодарного пациента», хотя сам пациентом не был. А однажды, в особенно холодный день, он встретил её у выхода и молча натянул ей на голову свою вязаную шапку.

— У тебя уши красные, — буркнул он, отводя взгляд. — Заболеешь ещё.

Шапка пахла морозом и чем-то ещё — немного табаком и совсем чуть-чуть одеколоном. Алиса носила её до самого дома и вернула только на следующий день, выстиранную и высушенную. Егор взял её, покрутил в руках и спрятал в карман, ничего не сказав.

Они начали разговаривать. По-настоящему. В палате, когда Раиса Андреевна спала, или в коридоре у окна, или на лестнице между этажами, где не было камер и лишних ушей.

Егор рассказывал о своей работе — он чинил машины в небольшом автосервисе на окраине. Говорил, что любит возиться с двигателями, потому что в них всё логично: если что-то не работает, всегда можно найти причину. В отличие от жизни, где причины часто скрыты, а следствия необратимы.

Алиса рассказывала о том, как боялась поступать в медицинский. Как мама плакала, когда она сказала, что хочет стать онкологом. Ведь она очень хотела помочь найти лекарство от этой злой болезни. Чтобы помочь своей маме. Она до сих пор иногда плачет в ординаторской, когда никого нет рядом, потому что слишком многих не удалось спасти. Егор слушал, не перебивая. А потом сказал:

— Ты сильная. Сильнее, чем я. Я бы так не смог — каждый день видеть, как люди уходят, и всё равно приходить на работу.

— А ты и так приходишь, — ответила Алиса. — Каждый день. К маме.

Он не нашёлся, что сказать. Только сжал её пальцы — коротко, крепко, будто проверяя, что она настоящая.

Влюблённость подкралась незаметно. Алиса поняла это в тот день, когда Егор опоздал на десять минут — пробки на дорогах — и она поймала себя на том, что стоит у окна на втором этаже и высматривает в толпе его тёмную куртку. Сердце билось чаще, чем следовало. А когда он появился, запыхавшийся, с растрёпанными волосами и виноватой улыбкой, она вдруг поняла, что готова простить ему всё на свете.

— Прости, — выдохнул он. — Дороги перекрыли. Я бежал.

— Я вижу, — сказала Алиса и улыбнулась.

Он смотрел на неё секунду дольше, чем было нужно. Потом осторожно, будто касаясь чего-то хрупкого, взял её за руку и переплёл их пальцы. Ладонь у него была тёплая и немного шершавая — ладонь человека, который привык работать руками.

— Я не умею красиво ухаживать, — сказал он тихо, глядя на их руки. — Не умею говорить правильные слова. Но я хочу, чтобы ты знала: я рядом. Не только потому, что мама. И не потому, что должен. А потому, что… — он замолчал, подбирая слова, — потому что с тобой я не чувствую себя одиноким.

Алиса не ответила. Она просто сжала его пальцы в ответ и подумала о том, что февраль — странный месяц. Самый короткий, самый холодный. Но иногда именно в феврале оттаивают самые замёрзшие сердца.

Глава 6

Снег шёл стеной, ветер гнал его по Остоженке, забивался под воротники и леденил щёки. Виктория вышла из салона, кутаясь в пушистый полушубок, и уже собиралась сесть в машину, когда взгляд её случайно зацепился за знакомый силуэт у кофейни на углу.

Алиса.

Она стояла без шапки, с растрёпанными от ветра волосами, и смеялась. Так, как Виктория не слышала, чтобы она смеялась дома, — легко, без оглядки, будто никто не смотрел. Рядом с ней был мужчина. Высокий, в тёмной куртке, с небрежно повязанным шарфом, с той самой дерзкой улыбкой, от которой у Виктории неприятно свело скулы. Егор. Тот, о ком шептались в клинике, о ком Анатолий говорил с презрительной усмешкой: «Приезжий. Сомнительный. Не нашего круга». Сам Анатолий с ним знаком не был — судил по чужим словам и по тому, как тот выглядел: тёмная куртка, небрежный шарф, слишком свободная улыбка.

Он протянул Алисе небольшой букет белых хризантем — простых, купленных, наверное, в переходе, — и от смущения чуть помял упаковку. Алиса взяла цветы обеими руками, прижала к груди и посмотрела на него так, что Виктория вдруг почувствовала себя лишней в этом зимнем городе.

Они пошли по улице, не замечая ни снега, ни прохожих. Егор нёс её сумку, что-то говорил, наклоняясь к самому уху, и Алиса кивала, улыбаясь. У её дома она остановилась, и он осторожно, будто боясь спугнуть, убрал с её щеки мокрую от снега прядь.

Виктория отвернулась.

В машине она всю дорогу молчала, глядя на дворники, сметающие снег со стекла. Внутри росло нехорошее, липкое чувство. Не тревога за падчерицу — нет. Скорее страх, что всё, что они так аккуратно выстраивали годами, может рухнуть из-за одного неверного выбора.

Дома она прошла в кабинет мужа, не снимая пальто.

— Толя, нам надо поговорить.

Анатолий Боярский сидел за дубовым столом, просматривая бумаги. Он поднял глаза, и по лицу Виктории понял: случилось что-то серьёзное.

— Я видела Алису, — сказала она, закрывая дверь. — В городе. С ним.

— С кем?

— С Егором. Тем самым. Они стояли у кофейни. Он дарил ей цветы. Она смеялась. Толя, она смотрела на него… — Виктория запнулась, подбирая слово, — влюблённо. Я не слепая.

Анатолий медленно положил ручку. Лицо его потемнело.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я узнала его. И её. Они не скрывались.

Он поднялся, отошёл к окну. За стеклом кружил снег. Анатолий стоял неподвижно, и Виктория видела, как напряглись его плечи.

— Значит, я не ошибся, — тихо произнёс он. — Я надеялся, что это просто ерунда. Увлечение. Но раз она позволяет себе появляться с ним на улице…

— Она ещё и не то позволяет, — осторожно заметила Виктория. — Они были очень близко. По-моему, это уже не просто знакомство.

Анатолий резко обернулся.

— Я не позволю. Этот человек с сомнительной репутацией — не пара моей дочери. Я с ним не знаком, но мне достаточно слухов и того, как он выглядит.

Он сказал это так, будто уже поставил печать на приговоре. Виктория вздохнула:

— Толя, поговори с ней. Только спокойно. Она взрослая.

— Взрослая? — усмехнулся он. — Пока она носит мою фамилию, она будет считаться с моим мнением.

Алиса заехала к родителям поздно — Виктория попросила завезти бумаги. В прихожей ещё пахло морозом и цветами. Она расстегнула пальто, и в этот момент из кабинета вышел отец. Следом — Виктория, с тем особым выражением лица, которое Алиса ненавидела с детства: вежливое участие и холодный расчёт.

— Алиса, зайди, — сказал Анатолий.

Она вошла в кабинет, не снимая пальто. Сердце почему-то билось чаще обычного.

— Садись.

— Я лучше постою. Что случилось?

Анатолий сложил руки на груди.

— Мне сказали, что тебя видели в городе. С Егором.

Алиса не отвела взгляда.

— Да. Меня видели. И что?

— Не надо играть в наивность. Ты понимаешь, о чём я. Этот человек… — он сделал паузу, будто подбирал слова, — с сомнительной репутацией — не пара моей дочери. Я с ним не знаком, и не хочу быть знаком. Достаточно того, что о нём говорят и как он выглядит.

В комнате стало тихо. Виктория стояла у двери, как судья, уже принявший решение. Алиса почувствовала, как внутри поднимается горячая волна. Она всю жизнь уступала. Училась там, где хотел отец. Выбрала специальность, которую он одобрил. Улыбалась его гостям, терпела его советы, принимала его помощь. Но это была её жизнь.

— Почему? — спросила она, и голос прозвучал неожиданно твёрдо.

— Потому что я знаю, таких людей, — отрезал Анатолий. — Он приезжий. Без связей. С тёмным прошлым. О нём ходят слухи. Ты — Боярская. Врач. У тебя репутация. И я не позволю какому-то…

— Какому-то — кому? — перебила Алиса. — Человеку, который приехал сюда, чтобы спасти мать? Который работает, чтобы оплатить её лечение? Который первый за долгое время увидел во мне не дочь Боярского, а меня?

Виктория мягко вмешалась:

— Алиса, никто не говорит, что он плохой. Но ты должна понимать, что это выглядит…

— Как что? Как что-то, что вам не выгодно?

— Не смей так разговаривать с отцом, — повысил голос Анатолий.

— А как мне разговаривать? — Алиса сделала шаг вперёд. — Я всю жизнь делала так, как ты хотел. Я не спорила. Я не позорила. Я была удобной. Но я больше не девочка, папа. Мне двадцать девять. Я врач. Я спасаю людей. И я имею право на собственную жизнь.

— Пока ты носишь мою фамилию…

— Вот именно! Твоя фамилия! — выкрикнула она, и сама испугалась своей смелости. — Но моя жизнь не твоя собственность. И моё сердце — тоже. Я живу в своей квартире, папа. И выбираю сама, кого туда впускать.

Анатолий побледнел.

— Я запрещаю тебе с ним встречаться. Слышишь? Запрещаю.

Алиса посмотрела на отца. В его глазах были гнев, тревога и что-то ещё — страх потерять контроль. Она впервые не почувствовала привычной вины.

— Нет, — сказала она тихо.

— Что?— Нет. Я не буду выбирать между тобой и человеком, который ко мне искренен. И не надо пугать меня наследством, фамилией. Я не пропаду. Я умею работать. И я умею любить.

Виктория ахнула. Анатолий шагнул к ней:

— Алиса, опомнись! Ты совершаешь ошибку.

— Может быть, — ответила она. — Но это будет моя ошибка. Впервые в жизни — моя.

Она повернулась и вышла из кабинета. В коридоре её руки дрожали. Она прислонилась к стене, закрыла глаза и услышала, как отец за спиной глухо произнёс:

— Ты пожалеешь.

Алиса открыла глаза.

— Может быть, — прошептала она. — Но не о нём.

Она вышла из дома, села в машину и только там, отъехав от обочины, достала телефон. Пальцы плохо слушались. Она набрала сообщение Егору: «Мне нужно тебя увидеть. Не сейчас. Завтра. И, кажется, у меня будут проблемы». Ответ пришёл почти сразу: «Что случилось? Я приеду». Она улыбнулась, чувствуя, как слёзы всё-таки подступают к глазам. «Не надо. Просто скажи, что мы справимся». Через минуту телефон дрогнул: «Мы справимся. Я рядом».

За окном всё так же мела февральская Москва. Алиса ехала к себе — в свою квартиру, где никто не ждал её с приговором. Впервые за долгое время она не чувствовала себя одной из тех, кто послушно идёт по расчищенной дороге. Она стояла на снегу — без страховки, без разрешения, — и от этого почему-то было легче дышать

Глава 7

Телефон зазвонил через два часа. Алиса сидела на подоконнике с остывшим чаем, смотрела на огни соседних окон и думала о Егоре. О том, как он улыбается, как молчит рядом, не требуя слов. Она знала, что он ждёт звонка. И она знала, что не сможет себя сдержать, чтобы не позвонить ему сегодня.

— Алло, пап.

— Алиса. — Голос Анатолия был ровным, почти мягким, но она слышала под ним ту же стальную плиту. — Я погорячился. Не должен был так говорить. Ты моя дочь, я тебя люблю. Прости.

Она закрыла глаза. Вот так всегда. Он умел сказать «прости» так, что становилось только тяжелее. Потому что за этим «прости» никогда не следовало «я был неправ». Только «я погорячился». Как будто проблема была в тоне, а не в сути.

— Я услышала тебя, папа.

— Вот и хорошо. — Пауза. — Значит, в девятнадцать ноль-ноль. Я заеду. Платье у тебя есть? Если нет — купи, я переведу.

— Пап, я…

— Алиса. — Он перебил мягко, почти ласково. — Это важно для меня. Там будут люди, от которых многое зависит. И для тебя тоже. Мальчик — серьёзный, из семьи Вороновых. Ты же помнишь? У них клиника на Пресне. Тебе будет о чём поговорить.

Она хотела сказать: «Я не хочу говорить о клиниках. Я хочу говорить о Егоре. Я хочу, чтобы ты спросил, кто он, а не запрещал». Но вместо этого сказала:

— Я поняла. В девятнадцать.

— Умница. — В его голосе мелькнуло удовлетворение, и это было хуже гнева. — До встречи.

Она положила трубку и долго сидела неподвижно. В голове стучало: «Я снова согласилась. Я снова стала удобной».

А в сердце было тихо и горько. Потому что она знала: она пойдёт. Не потому, что хочет. А потому, что он — её отец. Потому что где-то под всей этой бронёй, под запретами и чужими фамилиями, жил старик, который когда-то носил её на плечах и учил кататься на велосипеде. И она его любила. Так, как умела. Больно.

Завибрировал телефон. Егор.

Она смотрела на его имя, пока экран не погас. Потом набрала сообщение: «Прости, сегодня не смогу. Завтра?»

Ответ пришёл сразу: «Конечно. Что-то случилось?»

Она закусила губу. Написала: «Семейное. Расскажу завтра».

И, отправив, почувствовала, как что-то внутри сжалось в тугой узел. Она скажет ему, что идёт на вечер, где её будут «представлять». И он поймёт. Он всегда понимает. И это было самое невыносимое — его понимание. Потому что оно означало, что он видит её насквозь. И всё равно ждёт.

Алиса встала, прошла в спальню и открыла шкаф. Платье было. Тёмно-синее, скромное, «для приличных случаев». Отец одобрил бы. Она провела по ткани рукой и тихо сказала, ни к кому не обращаясь:

— В девятнадцать. Значит, в девятнадцать.

И в этом «значит» было столько всего — и любовь, и усталость, и страх, что однажды она просто не сможет выбрать между ними. Между отцом, который её не слышит, и мужчиной, который слышит, но которого она боится потерять.

Она набрала Егора.

— Привет, — сказала она, и голос дрогнул. — Я соскучилась.

— Я тоже. — Он помолчал. — Ты в порядке?

— Нет, — честно сказала она. — Но я хочу, чтобы ты знал: я иду на этот вечер не потому, что хочу. А потому, что не могу иначе. Пока не могу.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Я буду здесь.

И она поверила.

Глава 8

Вечер проходил в старом особняке. Официанты с шампанским на подносах. Алиса стояла рядом с отцом, чувствуя, как платье давит под рёбрами, а улыбка приклеена к лицу, как маска. Анатолий представлял её направо и налево: «Моя дочь, врач, знаменитый онколог в Москве». Люди кивали, говорили комплименты, тут же забывая её имя.

А потом появился он.

— Александр. — Молодой мужчина в идеальном костюме, с той особой гладкой уверенностью, которая бывает у людей, никогда не слышавших слова «нет». — Наслышан. Папа говорит, вы спасаете жизни. Это… впечатляет.

Он улыбнулся так, будто делал одолжение. Алиса кивнула вежливо и отпила воды.— Спасаю. По мере сил.

— А я вот спасаю бизнес. — Он засмеялся собственной шутке. — Но, знаете, медицина и инвестиции — не так уж далеки. Всё про доверие.

Он говорил ещё что-то про клинику на Пресне, про планы расширения, про то, как «мы могли бы быть полезны друг другу». Алиса слушала вполуха, отмечая про себя: он не спросил ни одного вопроса о ней. Ни что она любит, ни чего боится, ни почему выбрала медицину. Он говорил о ней так, будто она — строчка в резюме его будущей жены.

— Может, выйдем на террасу? — предложил он, наклоняясь ближе. — Здесь душно.

— Здесь нормально, — сказала она ровно.

— Ну, тогда, может, поужинаем на неделе? Есть отличный ресторан на Патриарших. Я знаю владельца.

Она посмотрела на него — на его гладкое лицо, на безупречный пробор, на часы, которые стоили больше её месячной зарплаты. И вдруг ей стало почти смешно. Почти.

— Александр, — сказала она, и голос её был спокоен.

— Вы очень… перспективный. И ресторан, наверное, отличный.

— Но? — он всё ещё улыбался, но глаза сузились.

— Но моё сердце занято. — Она сказала это просто, без вызова. — Уже. Давно.

Александр помолчал секунду, потом усмехнулся — снисходительно, как взрослый ребёнку.

— Занято? Кем? Врачом каким-нибудь? Коллегой?

— Человеком, — сказала Алиса. — Который спрашивает, как прошёл мой день. И слушает ответ.

Она увидела, как его лицо меняется — сначала недоумение, потом раздражение, потом холодная вежливость.

— Что ж, — он поправил галстук. — Не буду настаивать. Хотя ваш отец говорил…

— Мой отец много чего говорит, — мягко перебила она. — Но мою жизнь выбираю я.

Она отошла, оставив его стоять с бокалом в руке. Сердце колотилось где-то в горле — она только что перечеркнула то, что отец выстраивал с такой тщательностью. Но страха не было. Было странное, почти пьянящее чувство освобождения.

Анатолий нашёл её через десять минут. Лицо у него было каменное.

— Что ты сказала Воронову?

— Правду, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Что моё сердце занято.

Он открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, но она продолжила:

— Папа, я пришла. Я улыбалась. Я была вежливой. Но я не буду врать. Ни ему, ни тебе. И если ты хочешь, чтобы я была здесь — я буду. Но только как твоя дочь. Не как товар.

Он смотрел на неё долго. В его глазах боролись гнев и что-то ещё — может быть, уважение. Может быть, страх. Он ничего не сказал. Просто отвернулся и ушёл к гостям.

Алиса вышла на террасу. Вечерний воздух был прохладным и чистым. Она достала телефон и набрала Егора.

— Привет, — сказала она, и голос дрогнул. — Я только что отшила перспективного мальчика из хорошей семьи.

— Ого, — сказал он. — И как?

— Странно легко. — Она улыбнулась. — Я сказала, что моё сердце занято.

На другом конце провода он молчал секунду, потом тихо спросил:

— Правда?

— Правда, — сказала она. — Абсолютная.

И впервые за весь вечер ей стало тепло.

Глава 9

Дверь квартиры закрылась за ней с тихим щелчком, и Алиса наконец выдохнула. Первым делом — молния на спине. Она потянула её вниз, стянула платье через голову и бросила на кресло, будто оно было виновато во всём этом вечере. Туфли полетели следом, одна за другой, — глухой стук в прихожей прозвучал почти как аплодисменты самой себе.

Она прошла на кухню, открыла бутылку красного, налила в бокал и сделала глоток прямо стоя, у окна. Вино было терпким, тёплым, и растеклось по телу медленной волной. Потом она сняла бельё — просто потому, что хотела чувствовать только свою кожу, — и надела старую растянутую майку и короткие шорты. Волосы собрала в небрежный пучок, который тут же начал разваливаться.

И позвонила.

— Я дома, — сказала она. — Приезжай.

— Уже еду, — ответил Егор, и в его голосе было столько сдержанного нетерпения, что она улыбнулась.

Она зажгла свечи — три, на подоконнике у панорамных окон, — и села на пушистый ковёр, обхватив колени. За стеклом мерцал город, холодный и далёкий. А здесь, внутри, было тепло и пахло воском и вином.

Он приехал даже быстрее, чем она ждала. Алиса услышала звонок в дверь, поставила бокал на подоконник и пошла открывать сама. На пороге стоял Егор — в куртке, с чуть растрёпанными волосами, с тем самым взглядом, от которого у неё всегда теплело в груди.

— Привет, — сказал он тихо.

— Привет.

Он снял куртку, обувь, сел рядом с ней на ковёр. И, не говоря ни слова, обнял — крепко, так, что она почувствовала его тепло сквозь тонкую майку. Она уткнулась носом ему в шею, вдохнула знакомый запах, и всё, что было в ней напряжено весь вечер, вдруг отпустило.

— Ты справилась, — сказал он.

— Кажется, да.

Он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза. И поцеловал.

Он целовал её медленно, будто давая время передумать, но она не передумала — притянула ближе, запуталась пальцами в его волосах. Ковёр под ними был мягким, свечи отбрасывали дрожащие тени на стены, и город за стеклом перестал существовать.

Они раздевали друг друга без спешки, как будто впереди была целая вечность.

У него было много шрамов. На плече, на боку, на рёбрах — тонкие белые линии, старые, давно зажившие. Они не делали его уродом. Они делали его настоящим. А на груди — татуировка: крылья, раскинутые широко, будто готовые подняться. Её ладони скользили по его шрамам — она касалась каждого, будто читала историю, написанную на его коже. Он отвечал ей тем же — губами, пальцами, тихим дыханием у самого уха.

Потом было только тепло, и запах воска, и сбитое дыхание, и её пальцы, вцепившиеся в его плечи. Она выгибалась навстречу, а он держал её бережно, словно боялся разбить. Время растянулось и сжалось одновременно — до точки, до вспышки, до общего выдоха.

Потом они лежали, сплетённые, на пушистом ковре, и свечи догорали, и она слушала, как под его грудью — там, где раскинулись крылья, — медленно успокаивается сердце.

Он смотрел на неё, и в его глазах было столько всего, что она едва могла это вынести. Он был прекрасен. И он был её.

— Я так и представляла, — прошептала она.

— Что?

— Вот это. Ковёр. Окна. Тебя. — Она улыбнулась. — Я мечтала, что меня будут вот так любить.

Он поцеловал её в макушку и ничего не сказал. Слова были не нужны.

Глава 10

Прошло две недели. Егор переехал тихо, без фанфар — просто в один день его вещей стало больше, чем её. Его зубная щётка стояла рядом с её, его куртка висела в прихожей, его ботинки у двери. Алиса ловила себя на том, что улыбается, когда видит всё это. Квартира стала другой — теплее, что ли. Живее.

Но Егор всё чаще уезжал. Сначала на день, потом на два, потом на неделю. Говорил — дела, работа, скоро всё решится. Алиса не спрашивала, куда именно. Только кивала и провожала его до двери.

Она ездила к Раисе Андреевне в выходные. Не как невестка — как врач. Лечащий онколог. Это она подписывала назначения, она корректировала схему, она разговаривала с коллегами в отделении. И она знала то, чего Егор ещё не знал: опухоль агрессивна, анализы ухудшаются с каждым днём. Раиса Андреевна таяла на глазах — слабела, почти перестала вставать, и никакие препараты уже не могли её остановить.

Алиса видела это по цифрам — растущие онкомаркеры, падающий гемоглобин, нарастающая слабость. И она понимала, что времени осталось мало. Может, месяц. Может, меньше.

Когда Егор вернулся из очередной поездки — уставший, с каким-то новым блеском в глазах, — она села рядом с ним на ковёр, их островок тепла перед окнами, и сказала:

— Егор. Нам нужно поговорить.

Он посмотрел на неё, и она увидела в его глазах всё: он уже знал. Чувствовал. Может, не цифрами, но сердцем.

— Насколько плохо? — спросил он тихо.

— Плохо. — Алиса взяла его за руку. — Опухоль агрессивна. Анализы ухудшаются. Я… я не хочу тебе врать. Времени мало. Я была с ней каждый день, пока тебя не было. Я вижу, как она угасает.

Он молчал долго. Потом сжал её пальцы и сказал:

— Сколько?

— Месяц. Может, меньше. Я не могу сказать точно, Егор. Но я буду с тобой. Всё это время. И с ней. Ты не один.

Он кивнул. Не заплакал, не закричал. Просто сидел, глядя в окно, и его лицо было таким спокойным, что Алисе стало страшно. Она знала это спокойствие — так затихают перед бурей.

— Мы справимся, — сказал он наконец. — Я справлюсь. И я скоро всё решу. Деньги, проблемы — всё. Осталось немного.

В ту ночь они лежали в постели, и Егор говорил о будущем. О том, что скоро всё изменится. Что он решит финансовые проблемы — уже почти решил. Что они купят дом за городом, с садом, где Раиса Андреевна… где они будут гулять по утрам. Что всё будет хорошо.

— Егор, — осторожно спросила Алиса, поворачиваясь к нему. — Куда ты всё время уезжаешь? Откуда деньги? Ты никогда не говорил.

Он усмехнулся в темноте.

— Разным занимаюсь. Не переживай.

— А шрамы? — Она провела пальцем по его груди, по одному из длинных белых следов под ключицей. — Откуда их столько?

Он перехватил её руку, поднёс к губам, поцеловал.

— Долгая история. Как-нибудь расскажу. — И, помолчав: — Спи, врач. Утром рано вставать.

Она хотела настаивать. Хотела спросить ещё раз — про деньги, про шрамы, про поездки, из которых он возвращался чужим, с этим лихорадочным блеском в глазах. Но что-то в его голосе остановило её. Может, усталость. Может, страх, который он так тщательно прятал.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Но внутри уже поселилось тревожное предчувствие — тонкое, как паутина, липкое, как страх. Оно шептало: что-то не так. Что-то не так.

Егор дышал ровно рядом с ней. Алиса слушала его дыхание и думала о том, что скоро всё изменится. Только не так, как он обещает. Она чувствовала это. Чувствовала нутром, кожей, всем своим врачебным чутьём.

Что-то надвигалось. И она не знала, что именно.

***

Утром он снова уехал — поцеловал её в макушку и сказал, что вернётся через пару дней. Алиса смотрела ему вслед и чувствовала, как паутина тревоги сжимается вокруг сердца. Потом собрала сумку и поехала в больницу — к Раисе Андреевне. Та спала, когда она вошла. Дыхание было поверхностным, лицо — серым. Алиса проверила показатели, поправила капельницу, села рядом на стул.

— Я здесь, — тихо сказала она, хотя знала, что та не слышит. — Я рядом.

В тот день она дежурила в больнице и всё время ловила себя на мысли: позвонить Егору. Просто услышать голос. Убедиться, что всё в порядке. Но она не звонила — не хотела быть той, кто проверяет. Хотя внутри всё кричало: что-то не так.

Он вернулся позже, как и обещал. Усталый, с тем же возбуждённым, почти лихорадочным блеском в глазах. Сказал, что всё почти решено. Что скоро они заживут по-другому. Что ей не о чем беспокоиться.

Алиса кивала и улыбалась. Но паутина тревоги не отпускала. Она смотрела на него — на его шрамы, на его татуировку, на его слишком спокойное лицо — и думала: что ты скрываешь, Егор? Что ты собираешься сделать?

Она не знала ответа. Но предчувствие шептало: скоро узнаешь. И это «скоро» пугало больше, чем всё остальное.

Глава 11

Он опять исчез. Без предупреждения.

Три дня. Семьдесят два часа — Алиса считала их, как считают капельницы, по капле. Сначала она звонила. Потом писала. Потом снова звонила — уже молча, стиснув зубы, слушая длинные гудки, которые обрывались на середине. «Абонент не отвечает». «Сообщение не доставлено».

На второй день она позвонила в больницу — узнать, не появлялся ли он у матери. Нет. Не появлялся. Раиса Андреевна спала, и Алиса сидела рядом с ней дольше обычного, потому что уходить в пустую квартиру было невыносимо. Она смотрела на бледное лицо женщины, которая доверила ей свою жизнь, и думала: «Я не уследила. За одним не уследила, а теперь и за другим».

На третий день она перестала писать. Просто сидела на подоконнике с остывшим чаем, как в тот вечер после благотворительного вечера, и смотрела на телефон. Паутина тревоги, которая плелась две недели, теперь сжалась в тугой комок где-то под рёбрами. Она перебирала в голове всё: поездки, блеск в глазах, шрамы, деньги, о которых он не говорил. И понимала, что не знает о нём почти ничего. Что он всегда отвечал на её вопросы шуткой. Что она позволяла ему это — потому что боялась услышать правду.

Он вернулся на третий день, поздним вечером. Ключ повернулся в замке тихо, будто он надеялся проскользнуть незамеченным. Алиса сидела на ковре перед окнами — в той же майке, с теми же свечами, только теперь не горела ни одна.

— Алиса.

Она подняла голову.

Он стоял в дверях — помятый, уставший так, будто не спал всё это время. Куртка висела на одном плече. А под левым глазом расплывался синяк — свежий, багрово-синий, с желтеющим краем. И в руке он держал маленькую бархатную коробочку.

— Прости, — сказал он. — Были дела. Не переживай.

Она молчала. Смотрела на синяк, на коробочку, на его лицо. И ждала, что он скажет ещё что-нибудь. Объяснит. Соврёт — но хотя бы попытается.

Он подошёл, опустился перед ней на ковёр, раскрыл коробочку. Кольцо. Тонкое, с камнем, который в полутьме ловил редкие огни с улицы. Дорогое. Очень дорогое.

— Это тебе, — сказал он. — Я всё решил. Теперь всё будет по-другому.

Алиса смотрела на кольцо. Потом на синяк. Потом на него.

— Три дня, — сказала она тихо. — Я звонила. Я писала. Я не спала.

— Я знаю. Прости.

— Ты знаешь? — Она подняла на него глаза. — Тогда почему не ответил?

Он отвёл взгляд. Всего на секунду — но она увидела.

— Не мог. Было не до этого.

— Не до этого, — повторила она. — Егор. Я врач. Я вижу синяк. Я вижу, что ты не спал. Я вижу, что у тебя руки дрожат. И ты приходишь ко мне с кольцом и говоришь «не переживай»?

Он молчал.

— Откуда деньги? — спросила она. — Откуда кольцо? Что ты сделал?

— Алиса…

— Что ты сделал, Егор?

Он поднял на неё глаза, и в них было столько всего — усталость, страх, нежность, вина, — что она почти сдалась. Почти. Но паутина тревоги уже стала сетью, и сеть эта держала крепко.

— Я не могу тебе сказать, — произнёс он наконец. — Пока не могу. Но я всё делаю для нас. Для матери. Для тебя.

— Для меня? — Она покачала головой. — Я не просила кольцо. Я просила правду.

Он взял её руку, вложил в неё коробочку, сжал пальцы.

— Правда в том, что я тебя люблю. Всё остальное — детали.

Алиса смотрела на кольцо в своей ладони. Оно было холодным и тяжёлым. Красивым — да. Но чужим. Как и он сейчас — чужой, с этим синяком, с этими словами, которые ничего не объясняли.

Она могла бы настаивать. Могла бы вытрясти из него всё — она умела задавать вопросы, умела добиваться ответов. Но в этот момент она вдруг поняла, что боится. Не его — ответов. Потому что ответы могли разрушить то, что онатак хотела сохранить.

Она закрыла коробочку и положила её на подоконник.

— Иди в душ, — сказала она ровно. — Я обработаю синяк.

Он кивнул. Поднялся. У двери в ванную обернулся:

— Ты злишься.

— Нет, — сказала она. — Я устала.

И это было правдой. Но была и другая правда, которую она не сказала: между ними только что пролегла трещина. Тонкая, почти незаметная. Но она была.

Он ушёл в ванную. Вода зашумела. Алиса сидела на ковре, глядя на коробочку на подоконнике, и думала о том, что впервые за всё время не поверила ему. Не поверила — и промолчала.

А молчание, как и трещина, имеет свойство расти.

Глава 12

Раиса Андреевна узнала всё сама — по её лицу, по тому, как она перестала спрашивать, где Егор, когда он не приходил. Алиса сидела рядом с ней в палате, проверяла капельницу, и в какой-то момент просто не выдержала.

— Раиса Андреевна, — сказала она тихо. — Егор пропадает. Уезжает, не отвечает. Приходит с синяками и не говорит, откуда деньги и что делает.

Женщина медленно повернула голову. В её глазах — усталых, выцветших — мелькнуло что-то острое, живое.

— Он всегда такой был, — сказала она, и голос был хриплым, но твёрдым. — С детства. Если что-то задумал — не скажет. Всё в себе. Отец его бросил, я работала сутками… он привык сам. Сам решать. Сам справляться.

Она помолчала, потом добавила:

— Позови его. Я поговорю.

Егор приехал вечером. Алиса оставила их вдвоём, вышла в коридор — но стены в отделении тонкие, и она слышала обрывки.

— Сынок… — голос Раисы Андреевны. — Что ты делаешь?

— Мам, не начинай.

— Я умираю, Егор. Я знаю. Не ври мне. И не ври ей.

Тишина. Потом его голос — глухой, упрямый:

— Я всё решу. Скоро всё будет хорошо.

— Егор…

— Мам. Я сказал. Всё будет хорошо.

Он вышел из палаты через минуту. Лицо — каменное. Алиса посмотрела на него, и он отвёл глаза.

— Мне нужно ехать, — сказал он. — Позже позвоню.

И ушёл. Не обнял, не поцеловал. Просто ушёл.

Алиса вернулась в палату. Раиса Андреевна лежала, глядя в потолок. По щеке у неё текла слеза — медленно, будто ей было трудно даже плакать.

— Он хороший мальчик, — сказала она, не поворачивая головы. — Просто судьба у него сложная. Но ты — его свет. Я это вижу. Ты не бросай его. Пожалуйста.

Алиса взяла её руку — сухую, горячую, почти невесомую.

— Не брошу, — сказала она. — Обещаю.

В ту ночь она вернулась домой и села на ковёр перед окнами. Кольцо лежало на подоконнике — она не надела его. Но и не убрала. Смотрела на него и думала: я буду бороться. За него. За нас. За то, чтобы он понял, что не нужно решать всё в одиночку.

Она не знала, что бороться придётся не с ним. И не с его прошлым. А с чем-то гораздо более страшным.

***

Егор исчез на следующий день. На этот раз — на неделю.

Сначала она думала, что он вернётся к вечеру. Потом — что к утру. Потом перестала считать дни и начала считать часы. Она почти не спала. Дежурила, приезжала к Раисе Андреевне, улыбалась, проверяла назначения — и всё время смотрела на телефон. Он молчал. Полностью.

На четвёртый день она начала искать. Сначала в квартире — просто ходила по комнатам, открывала шкафы, ящики, будто надеялась найти записку. Потом — в его вещах. В коробке, которую он принёс с собой при переезде и так и не разобрал — она стояла в углу спальни, задвинутая.

Алиса открыла её, чувствуя себя предательницей. Внутри были старые футболки, документы, зарядки. И телефон. Старый, кнопочный, потёртый. Она нажала кнопку — экран загорелся. Батарея была почти на нуле, но включился.

Сообщения. Много. Она пролистала несколько — и похолодела.

Адреса. Времена. Условные фразы: «груз принят», «точка два, в девять», «клиент ждёт». Номера без имён. Переписка короткая, деловая, без эмоций. И в конце — сообщение, отправленное неделю назад: «Ты уверен? Это последнее. Потом ты свободен».

Алиса смотрела на экран, и сердце стучало где-то в горле. Она не понимала. Но чувствовала: это плохо. Очень плохо.

Она закрыла телефон, положила его обратно в коробку. Села на пол, прижалась спиной к кровати. В квартире было тихо — только часы на стене и её собственное дыхание.

Страх пришёл не сразу. Сначала была просто тяжесть в груди. Потом — холод. А потом — мысль, от которой стало трудно дышать: а что, если он не вернётся? Что, если эти адреса, эти «точки», эти «клиенты» — это не про деньги? Что, если всё гораздо хуже, чем она думала?

Она взяла телефон, набрала его номер. Гудки. Длинные, бесконечные. Потом — «абонент не отвечает».

Алиса опустила руку и посмотрела в окно. Город спал. Свечи давно догорели. И в этой темноте она вдруг поняла, что бороться за любовь — это не только держать за руку и говорить «я рядом». Иногда это

значит смотреть правде в глаза. Даже если правда пугает.

Она не знала, что делать. Но знала одно: она не отступит. Даже если придётся узнать всё — до конца.

Утром она позвонила в больницу, сказала, что задержится. Потом села на ковёр, открыла коробку снова и достала старый телефон. Включила. И начала читать.

С самого начала.

Глава 13

От отца не было ни звонка, ни сообщения. С того вечера — тишина. Алиса ждала сначала с тревогой, потом с облегчением, потом просто перестала ждать. Может, и к лучшему. Сейчас ей было не до него. Совсем не до него.

Егор вернулся на восьмой день. Днём, без предупреждения — просто повернулся ключ в замке, и он вошёл, будто уходил на полчаса за хлебом. Чисто выбритый, в новой рубашке, без синяков. Улыбнулся ей от двери.

— Привет, родная. Собирайся. У нас ужин.

Алиса стояла в коридоре с полотенцем в руках и смотрела на него. Внутри всё кипело — восемь дней, восемь ночей без сна, старый телефон в коробке, сообщения, адреса. Но он улыбался так тепло, так по-своему, и она вдруг почувствовала, как злость утекает, оставляя только усталость.

— Егор. Где ты был?

— Потом. — Он подошёл, поцеловал её в лоб. — Сначала ужин. Пожалуйста.

Ресторан был дорогой — тот самый, на Патриарших, с приглушённым светом и белыми скатертями. Он заказал за них обоих, не спрашивая. Потом достал из кармана маленькую коробочку — синюю, бархатную.

— Это тебе.

Серьги. Бриллианты — маленькие, но настоящие, в тонких серебряных подвесках. Алиса смотрела на них и чувствовала, как холодеют пальцы.

— Егор. Откуда?

— Не переживай.

— Я серьёзно. — Она подняла на него глаза. — Куда ты уезжаешь? Что ты делаешь? Я нашла телефон. Я видела сообщения.

Он на секунду замер. Только на секунду — потом лицо снова стало спокойным, будто она ничего не сказала.

— Это мои проблемы, девочка, — сказал он мягко. — Я решаю их сам, чтобы ты жила спокойно. Тебе не нужно в это лезть.

— Не нужно лезть? — Она почти рассмеялась. — Егор, я живу с тобой. Я лечу твою мать. Ты исчезаешь на неделю, привозишь кольца и серьги и говоришь, что это твои проблемы?

Он взял её руку через стол, сжал.

— Алиса. Я обещаю: скоро всё закончится. И тогда я всё тебе расскажу. Всё. Но сейчас — просто доверься мне. Хорошо?

Она смотрела на его пальцы, на свои — с тонким колечком, которое он подарил ей когда-то, ещё до всего. И думала: я могу спорить. Могу настаивать. Могу показать ему телефон и потребовать ответов. Но что, если он снова уйдёт? Что, если я потеряю его совсем?

Она выбрала довериться. И в этом выборе было больше страха, чем веры.

— Хорошо, — сказала она. — Но это последний раз, Егор. Последний.

Он кивнул и улыбнулся — той улыбкой, от которой у неё всегда теплело в груди. И она позволила себе поверить. На один вечер. На одну ночь.

Глава 14

Раиса Андреевна позвала её в палату однажды утром — жестом, едва заметным. Говорила она теперь шёпотом, и каждое слово давалось ей с трудом.

— Алиса. Сядь.

Она села. Взяла её руку — сухую, почти невесомую.

— Поговори с ним, — сказала Раиса Андреевна. — Пожалуйста. Я не могу. Он меня не слышит.

— Я пыталась. Он не говорит.

— Знаю. — Женщина закрыла глаза, потом снова открыла. — Он связался не с теми людьми. Я чувствую это. Материнское чутьё, называй как хочешь. Он думает, что так защищает меня и тебя. Думает, что деньги всё решат.

Алиса похолодела.

— Что вы имеете в виду? Раиса Андреевна, какие люди? Что он делает?

Та замолчала. Долго. По её лицу прошла тень — страх, запоздалое понимание, что сказала лишнее.

— Неважно, — прошептала она. — Забудь. Просто… будь рядом с ним. Когда всё откроется — а оно откроется, — ему будет нужен кто-то, кто не отвернётся.

— Раиса Андреевна…

— Всё, — сказала она твёрдо, насколько могла. — Устала я. Иди.

Алиса вышла из палаты с тяжёлым комом в груди. Она не понимала. Но впервые почувствовала, что за всем этим — за поездками, деньгами, шрамами — стоит что-то по-настоящему опасное. И что Егор, её Егор, в этом увяз по шею.

Раиса Андреевна умерла через четыре дня. Тихо, во сне, ранним утром — так, как уходят самые уставшие. Алиса была в отделении, зашла проведать перед сменой и увидела, что всё. Медсестра уже стояла рядом, опустив голову.

Алиса сама позвонила Егору. Он взял трубку на первом гудке — впервые за всё это время.

— Егор. — Голос не слушался. — Её больше нет.

Он молчал. Долго. Потом сказал одно слово — тихо, сломленно:

— Еду.

Он приехал через сорок минут. Вошёл в палату, подошёл к кровати, где лежала его мать — маленькая, спокойная, будто помолодевшая. И опустился на колени. Алиса стояла в дверях и смотрела, как мужчина, который никогда не плакал, уткнулся лицом в край одеяла и беззвучно заплакал.

Она подошла, опустилась рядом, обняла его. И в этой тишине, в этом горе, ей показалось на миг, что всё остальное — неважно. Что они справятся.

Она ещё не знала, что самое страшное — впереди.

Глава 15

После похорон прошла неделя. Егор будто заперся в себе — молчаливый, тяжёлый, с тёмными кругами под глазами. Алиса пыталась быть рядом, но он не подпускал. А по ночам приходил к ней — жёстко, грубо, без слов. Брал её так, будто пытался заглушить что-то внутри, будто боль можно было вытеснить другой болью. Она ничего не говорила. Терпела. Потому что чувствовала: так надо. Что это его способ не сойти с ума.

А утром он менялся. Садился на край кровати, смотрел на неё — виновато, нежно — и шептал:

— Прости меня. Прости. Я не хотел так. Я тебя люблю. Слышишь? Только тебя.

Она кивала, гладила его по волосам, и на какое-то время этого хватало. Но трещина, которая пролегла между ними в ту ночь с синяком и кольцом, теперь росла. Медленно, но неотвратимо.

А потом он исчез. Снова.

Сначала Алиса думала — на день, как раньше. Потом — на два. На третий она уже не спала, не ела, ходила по квартире, как призрак. Звонила — гудки. Писала — тишина. Приезжала к нему на старую квартиру — заперто, соседи пожимали плечами.

Прошла неделя. Потом вторая.

На четырнадцатый день Алиса сидела на ковре перед окнами, смотрела на телефон и понимала: больше так нельзя. Она не может просто ждать. Не может сходить с ума в тишине. Она должна что-то сделать. Хоть что-то.

Она оделась, вышла из дома и пошла в отделение полиции.

Участковый — молодой, усталый, с папкой на столе — выслушал её внимательно. Записал имя, фамилию, приметы. Потом откинулся на стуле и посмотрел на неё как-то странно.

— Значит, Егор Ангарский , — сказал он медленно. — Две недели не появляется.

— Да. Я волнуюсь. Он мог попасть в беду.

Участковый помолчал. Потом открыл папку, полистал.

— А вы знаете, чем он занимается? — спросил он, не поднимая глаз.

— Он… говорил, что решает проблемы. Деньги. Я не знаю точно.

— А что вы знаете? — Он поднял на неё глаза. — Кто его друзья? С кем он общается? Вы когда-нибудь слышали фамилию Сколов? Или Зурвич?

Алиса похолодела.

— Нет. Я… нет. Я не знаю таких.

Участковый отложил папку. Посмотрел на неё с сочувствием — и это сочувствие было хуже любого презрения.

— Алиса Сергеевна. Ваш… Егор Ангарский — он подозревается в участии ОПГ, которая осуществляет незаконный сбыт и распространение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Мы ищем его уже полторы недели. Я не могу сказать вам больше. Но если он выйдет на связь — вы должны нам сообщить. Понимаете?

Земля ушла из-под ног. Алиса сидела, глядя на него, и слова не шли. Организованная преступная группа. Люди, с которыми он связался. То, что говорила Раиса Андреевна. Всё сложилось — страшно, необратимо.

— Я не знала, — прошептала она. — Клянусь. Я не знала.

— Я верю, — сказал участковый. — Но сейчас важно найти его. И вы можете помочь.

Она вышла из отделения на негнущихся ногах. Улица была обычной — люди шли, машины ехали, солнце светило. Мир не заметил, как в её жизни только что рухнуло всё.

Алиса остановилась на тротуаре, прижала руку к груди. Там, где ещё недавно было тепло от его объятий, теперь было пусто и холодно. И в этой пустоте стучала одна мысль: «Кто ты, Егор? Кто ты на самом деле?»

Она достала телефон. Набрала его номер. Гудки. Длинные, бесконечные. Как всегда.

И тогда она написала сообщение — короткое, отчаянное:

«Егор. Я знаю. Полиция ищет тебя. Позвони мне. Пожалуйста. Что бы это ни было — мы справимся. Только позвони».

Она отправила. И стала ждать.

Ответа не было.

Глава 16

Они приехали на следующий день. Двое в форме и один в штатском — Шутинский. Алиса думала, что обыск будет у неё, в их общей квартире. Но Шутинский покачал головой:

— Нет, Алиса Анатольевна. Обыск будет по месту регистрации Ангарского. Вы должны присутствовать как… заинтересованное лицо.

Она не была здесь никогда. За полгода их отношений — ни разу. Егор всегда приезжал к ней, всегда звал к себе на квартиру, но внутрь не пускал. «Там бардак», «Там ремонт», «Потом как-нибудь». Она не настаивала. Теперь понимала почему.

Дверь открыли ключом из связки, которую изъяли у неё дома. Квартира была на четвёртом этаже панельной девятиэтажки — обычная, серая, с облупившейся краской на лестнице. Но внутри…

Внутри было чисто. Почти стерильно. Диван, стол, шкаф — всё простое, безликое, будто здесь никто не жил. Ни фотографий, ни книг, ни посуды на видном месте. Только на подоконнике — пепельница с двумя окурками и стакан с недопитым чаем.

— Давно он здесь не появлялся, — заметил Шутинский, проводя пальцем по столу. — Пыль.

Алиса стояла посреди комнаты, обхватив себя руками. Она смотрела на эту пустоту и чувствовала, как внутри что-то обрывается. Она думала, что знает его. Думала, что за шрамами и молчанием — что-то тёплое, живое, что он прячет только от неё. А здесь не было ничего. Ни намёка на человека. Будто он и не жил тут вовсе.

— Ваш? — Шутинский поднял с полки старый кнопочный телефон.

— Нет, — сказала она. — Я его никогда не видела.

— Вы знали, что у него второй телефон?

— Нет.

Они работали быстро. Открывали ящики, перебирали бумаги, снимали с полок коробки. Алиса смотрела на чужие руки в его вещах и понимала, что не может вспомнить ни одной вещи, которая была бы ей знакома. Ни одной футболки, которую она видела на нём дома. Ни одной чашки, из которой он пил. Всё это было чужое. Всё это было не про неё.

— Алиса Анатольевна, — Шутинский подошёл ближе, держа в руках записную книжку. — Вы понимаете, что ваш сожитель подозревается в серьёзных преступлениях?

— Я уже слышала это вчера.

— Вы знаете, где он может быть?

— Нет.

— Он вам звонил? Писал?

— Нет. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Я сама ему писала. Он не ответил.

Шутинский помолчал. Потом кивнул:

— Если появится — сразу звоните. Это в его интересах тоже.

Они ушли через час. Алиса осталась стоять одна в этой чужой квартире, где всё было аккуратно и пусто, как в номере отеля. Она подошла к окну. За стеклом — двор с детской площадкой, качели, серое небо. Она попыталась представить его здесь. Утром, с чашкой чая у окна. И не смогла.

Она достала телефон и набрала его номер. Просто потому, что больше нечего было делать.

Гудок. Второй. Третий.

И вдруг...

— Алиса.

Она задохнулась. Его голос. Живой. Родной.

— Егор. Егор, где ты? Полиция была здесь. В твоей квартире. Они искали тебя. Они говорят…

— Знаю, — перебил он тихо. — Я знаю, девочка.

— Что происходит? Скажи мне. Пожалуйста. Я не могу так больше. Я схожу с ума.

Пауза. Она слышала его дыхание — неровное, тяжёлое.

— Я не могу говорить, — сказал он наконец. — Не сейчас. Слушай меня. Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Я тебя люблю. Ты — единственное, что у меня есть. Всё скоро закончится. Всё будет хорошо. Ты только верь мне. Верь.

— Егор…

— Прости. Я не могу. — И, тише: — Я тебя люблю.

Гудки.

Алиса держала телефон у уха, пока не прошло ещё несколько секунд — будто надеялась, что он вернётся, скажет что-то ещё. Потом медленно опустила руку.

Она стояла в его пустой квартире, где никогда не была, где не было ни одной вещи, которая сказала бы ей: «Он здесь жил. Он был здесь счастлив. Он думал о тебе». И в этой пустоте она вдруг отчётливо поняла: она не знала его.

«Всё скоро закончится». Он сказал это как обещание. Но в его голосе не было уверенности. Только усталость — и что-то ещё, чего она не хотела слышать. Что-то похожее на прощание.

Она вышла из квартиры, закрыла дверь чужим ключом и спустилась по лестнице. На улице шёл дождь. Алиса села в машину, положила руки на руль и сидела так, глядя, как капли стекают по стеклу.

Потом прошептала:

— Я верю. Слышишь? Я верю.

И в этой тишине, на чужой улице, её слова прозвучали как молитва — и как обещание, которое она не знала, сможет ли сдержать.

Глава 17

Он вернулся через месяц. Днём, без звонка — просто повернулся ключ в замке, и на пороге появился человек, которого Алиса сначала не узнала. Худой, измождённый, с потухшим взглядом и щетиной, которая делала его старше. Куртка висела мешком, под глазами — тёмные круги. Он стоял и смотрел на неё, будто боялся, что она его прогонит.

— Алиса.

Она не помнила, как оказалась рядом. Просто в какой-то момент её руки обвили его шею, а его — сомкнулись на её спине так крепко, будто он боялся, что она исчезнет. Он уткнулся лицом в её плечо и заплакал. Беззвучно, тяжело, вздрагивая всем телом.

— Прости, — шептал он между всхлипами. — Прости, что не мог рассказать. Я должен был решить это сам. Я не хотел тебя в это втягивать. Прости.

Она гладила его по голове, по спине, чувствуя под ладонями острые лопатки. Не спрашивала. Не могла. Просто держала — и боялась снова его потерять.

Они провели вместе несколько дней. Он почти не выходил из дома, спал по двенадцать часов, ел жадно, будто неделями голодал. Алиса брала дежурства по минимуму, готовила, сидела рядом, пока он спал. Она не задавала вопросов. Смотрела на его шрамы — старые и новые, — и молчала. Потому что понимала: если спросит — он снова закроется. А она не выдержит ещё одного исчезновения.

А ночью он любил её. Не жёстко, как после похорон, — иначе. Медленно, будто извиняясь за каждое прикосновение. Он целовал её долго, вдумчиво, будто заново запоминал. Её шею, ключицы, грудь, живот. Спускался ниже — к бедру, к внутренней стороне, к самому заветному месту. И там его язык творил такое, что она выгибалась, впиваясь пальцами в простыни, и взрывалась фейерверком — ярко, ослепительно, до звёзд перед глазами.

Потом она садилась сверху. Двигалась плавно, медленно, рисуя пальчиками узоры на его груди — по шрамам, по татуировке с крыльями. Он смотрел на неё снизу, и в его потухших глазах снова загорался свет. Его пальцы впивались в её узкую талию, оставляя следы, помогая двигаться, направляя. Она чувствовала его всего — большого, горячего, родного. Они сливались телами, дыханием, ритмом, пока весь мир не сузился до этой комнаты, до этого момента.

Потом они лежали — потные, счастливые, переплетённые. Алиса прижималась щекой к его груди, слушала, как колотится сердце. И вдруг сказала — тихо, но отчётливо:

— Я люблю тебя. Безумно. Слышишь? Я не знаю, что там было, и, может, никогда не узнаю. Но я люблю тебя. Только не исчезай больше. Пожалуйста.

Он молчал. Потом прижал её крепче и поцеловал в макушку.

— Не исчезну, — сказал он. — Всё закончилось. Правда.

И она поверила. Потому что хотела верить. Потому что альтернатива была слишком страшной.

В ту ночь она спала спокойно — впервые за месяц. А утром, когда он ещё спал, села на ковре перед окнами и посмотрела на коробку в углу — ту самую, со старым телефоном. Полиция её забрала. Но в памяти остались адреса, сообщения, условные фразы.

«Всё закончилось». Он так сказал.

Алиса закрыла глаза и заставила себя поверить. Потому что иначе пришлось бы признать: она живёт с человеком, которого не знает. И любит его так, что готова не знать.

Она легла обратно в постель, к нему. Он обнял её во сне, пробормотал что-то нежное. И Алиса позволила себе забыться. Хотя бы на несколько часов.

Потому что где-то глубоко внутри уже поселилось новое чувство — не тревога, нет. Что-то хуже. Предчувствие, что это затишье — перед бурей. И буря будет страшнее всего, что было раньше.

Глава 18

Конец мая выдался тёплым — город наконец сбросил серость, зацвело всё разом, и в воздухе стоял тот особенный запах, который бывает только в преддверии лета. Алиса шла с дежурства и вдруг остановилась посреди улицы. Голова закружилась так, что пришлось схватиться за ограду. И не впервые за эту неделю.

Она списала сначала на усталость. Потом на недосып. Потом пересчитала в уме — и сердце ухнуло куда-то вниз.

Домой она почти бежала. В аптеке у метро купила тест — и ещё один, на всякий случай, потому что одному она не поверила бы. Потом сидела в ванной на краю бортика, глядя на две полоски, и не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Две. Чёткие, яркие, бесспорные.

Второй тест — то же самое.

Алиса опустила руки на колени и заплакала. От страха и от счастья одновременно — так, что сама не понимала, чего в этих слезах больше. Внутри неё была жизнь. Маленькая, размером с точку, но уже настоящая. Их с Егором.

Она не стала писать. Дождалась вечера, когда он вернулся. И, стоя в прихожей, протянула ему тест, не говоря ни слова.

Егор смотрел на две полоски долго. Слишком долго. Лицо его сначала застыло — она успела испугаться, что он не рад, что сейчас скажет что-то не то. А потом он поднял на неё глаза, и в них было столько света, что у неё перехватило дыхание.

— Правда? — выдохнул он. — Алиса. Правда?

Она кивнула.

Он подхватил её на руки и закружил по прихожей — прямо там, среди ботинок и курток, — и она смеялась и плакала, вцепившись в его плечи. Потом он опустил её, встал на колени, прижался лицом к её животу — к плоскому ещё, к тому месту, где только начиналась жизнь, — и заплакал. По-настоящему, не сдерживаясь.

— Теперь у меня есть смысл жить, — сказал он глухо, не отрываясь. — Слышишь? Теперь есть. Я всё исправлю. Я всё сделаю. Обещаю.

Алиса гладила его по волосам и верила. Впервые за долгое время — верила без оговорок. Потому что человек, стоящий перед ней на коленях, был настоящим. Без масок, без шрамов напоказ, без тёмных телефонов. Просто Егор. Отец её ребёнка.

***

Егор исчез через неделю.

Утром он был — целовал её, гладил живот. Потом позвонил днём. Голос был спокойный, ровный — слишком ровный.

— Алиса. Береги себя. И нашего ребёнка.

Она замерла с телефоном у уха.

— Егор? Что случилось?

— Ничего. Всё будет хорошо. Я тебя люблю. Помни это.

— Егор, подожди…

Гудки.

Она перезвонила сразу — не отвечал. Перезвонила через час — не отвечал. Вечером телефон был уже выключен.

Первый день она держалась. Второй — тоже, убеждая себя, что он уехал по делам, что вернётся, как всегда. На третий она перестала спать. На пятый — позвонила в полицию сама, но её опередили.

Шутинский приехал к ней домой. Стоял в дверях, держал фуражку в руках, и лицо у него было такое, что она сразу поняла: ничего хорошего.

— Алиса Анатольевна. Ангарский задержан. Три дня назад.

У неё подкосились ноги. Она оперлась о стену.

— Что… что значит задержан?

— Он подозревается в причастности к наркоторговле. — Шутинский говорил ровно, будто зачитывал. — Сейчас он в изоляторе. Следствие идёт.

— Наркоторговля, — повторила Алиса. Слово было чужим, не помещалось в голове. — Нет. Вы ошибаетесь. Он не…

— Алиса Анатольевна.

— Вы не понимаете. — Она услышала собственный голос, тонкий, ломкий. — Он не мог. Он собирался стать отцом. Он говорил, что всё исправит. Он говорил, что всё закончилось.

Шутинский смотрел на неё с тем же сочувствием, что и в первый раз, — и от этого сочувствия её замутило.

— Вам лучше сесть, — сказал он тихо.

— Я не сяду. — Она выпрямилась. — Я хочу его увидеть. Услышать от него самого. Вы понимаете? Мне нужно услышать это от него.

— Это решается через адвоката. Я могу дать контакты…

— Дайте.

Он достал блокнот, написал что-то, протянул ей листок. Алиса взяла его негнущимися пальцами.

— Алиса Анатольевна, — Шутинский помолчал. — Я понимаю, что вам тяжело. Но если вы что-то знаете… если он вам что-то говорил…

— Я ничего не знаю, — сказала она. — Я вообще ничего о нём не знаю.

И это была самая страшная правда из всех. Она любила человека, которого не знала. Носила под сердцем его ребёнка. И теперь не знала, кто он — преступник, обманувший её, или человек, загнанный в угол, который пытался выбраться и не смог.

Дверь за Шутинским закрылась. Алиса осталась стоять в прихожей — там же, где когда-то плакала от счастья с тестом в руке. Медленно сползла по стене на пол, обхватила колени руками и прижалась к ним лбом.

— Я не верю, — прошептала она в тишину. — Слышишь, Егор? Я не верю. Я дождусь. И я узнаю правду. Всю. До конца.

Внутри неё что-то шевельнулось — или ей только показалось. Но она положила ладонь на живот и сказала уже твёрже:

— Мы справимся. Мы с тобой справимся.

Она не знала, кому это говорит — ребёнку, себе или ему. Но в этой пустой квартире, в этот тёплый летний вечер, это была единственная нить, за которую можно было держаться.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.